

МАКСИМ ЛЕБЕДЕВ

Княжна Марья, вам делают суждение

Глубочайшее изумление вызывает полемика двух философов, испытавших себя и как переводчики англоязычной литературы в области аналитической философии — В. А. Суровцева и Е. Е. Ледникова — по поводу правильного перевода термина *proposition* в текстах Рассела. Разногласия между ними существуют и по переводу ряда других терминов, но они носят примерно тот же характер. Строго говоря, полемикой это назвать нельзя, так как Е. Е. Ледников вообще не реагирует на аргументы оппонента, часто прибегая к внеаучному дискурсу, и ограничивается тем, что повторяет свой довод, который является не аргументом, но ссылкой на прецедент — английский термин *proposition* следует переводить не как «пропозиция», а как «суждение», потому что так его перевели полвека назад в советском издании книги А. Черча «Введение в математическую логику».

И все. Это — все.

В. А. Суровцев с упорством, достойным лучшего применения, находит буквально десятки аргументов, подтверждающих свою позицию. Он апеллирует как к сугубо теоретической, так и к историко-философской стороне вопроса, но это не имеет никакого эффекта. Единственное усилие, которое предпринимает Е. Е. Ледников, чтобы придать своей ссылке на прецедент форму аргумента — это дополнительный постулат: «такого русского слова как “пропозиция” нет».

Нет?

«Старый князь в это утро был чрезвычайно ласков и старателен в своем обращении с дочерью. Это выражение старательности хорошо знала княжна Марья.

Это было то выражение, которое бывало на его лице в те минуты, когда сухие руки его сжимались в кулак от досады за то, что княжна Марья не понимала арифметической задачи, и он, вставая, отходил от нее и тихим голосом повторял несколько раз одни и те же слова.

Он тотчас же приступил к делу и начал разговор, говоря «вы».

— Мне сделали пропозицию насчет вас, — сказал он, неестественно улыбаясь. — Вы, я думаю, догадались, — продолжал он, — что князь Василий приехал сюда и привез с собой своего воспитанника (почему-то князь Николай Андреич называл Анатолия воспитанником) не для моих прекрасных глаз. Мне вчера сделали пропозицию насчет вас. А так как вы знаете мои правила, я отнесся к вам.

— Как мне вас понимать, топ рёге? — проговорила княжна, бледнея и краснея.

— Как понимать! — сердито крикнул отец. — Князь Василий находит тебя по своему вкусу для невестки и делает тебе пропозицию за своего воспитанника. Вот как понимать. Как понимать?! А я у тебя спрашиваю.»¹

«Нет такого русского писателя — Л. Н. Толстой» — скажет г-н Ледников, и это будет вполне в его духе.

По характеру своих аргументов Е. Е. Ледников — возможно, безотчетно — позиционирует себя в роли начальника Первого отдела, существовавшего в советские времена в любом учреждении. Чтобы сделать фотокопию какого-либо документа на машине «Эра», необходимо было получить визу Первого отдела. В то же время он понимает, что далеко не каждый переводчик англоязычного текста, содержащего слово *proposition*, обязан обращаться к нему за санкциями. И это противоречие, судя по его экстремальной стилистике, служит для него мощным источником фрустрации.

Повторюсь, Валерий Суровцев привел столько аргументов в пользу адекватного перевода термина *proposition*, что к ним трудно что-либо прибавить, можно лишь расширить некоторые из них. В частности, при сугубо статистическом подходе можно констатировать, что с одна тысяча девятьсот шестидесятого года количество переводов на русский с английского, где *proposition* передается как «пропозиция», значительно превосходит количество тех, где этот термин воспроизводится как «суждение».

Термин «пропозиция» обрел полноправный статус в отечественной *философской* литературе, отнюдь не сводящейся к *логико-философской* или, тем более, к *логической*. Настолько полноправный, что, например, В. А. Руднев предлагает переводить *sentence* (у Дэвидсона) как «пропозиция». Причем г-н Ледников относится к этому весьма мирно. Потому что чувствует: не победит к нему Руднев за визой на фотокопию. А вот на Суровцева можно попытаться повысить голос. Вдруг испугается.

Некоторые действительно пугаются. Прискорбным примером — и мне очень хочется надеяться, что последним — является недавнее издание Дэвидсона², о чем рассказано здесь в статье В. А. Суровцева, где процитированы редакторские соображения, приведенные в этой книге. На самом деле Дональд Дэвидсон имеет весьма косвенное отношение к *математической* логике, а попросту говоря — вообще никакого. Хотя ссылки на Черча у него присутствуют, но это, разумеется, не означает, что сам Дэвидсон трудится на ниве математической логики, а следовательно, ссылки на перевод Черча одна тысяча девятьсот шестидесятого года здесь никак не были бы релевантны. Издатели же предпочли подстраховаться и дистанцироваться от этих возможных осложнений, связанных с активностью г-на Ледникова, в результате чего избрали некий паллиативный, вносящий окончательную амбивалентность вариант. Я перевел примерно треть этой книги (5 статей и сумму — Введение), *proposition* везде переводил как «пропозиция», но на бумаге увидел вместо этого что подряд. Вместе с тем в моей собственной статье о творчестве Дэвидсона, помещенной в этой книге в качестве послесловия, пропозиции остались пропозициями (с.435). При этом «убеждения» (*beliefs*) доверчиво стали «мнениями», но об этом ниже.

¹ Л. Н. Толстой. Война и мир. Т.1. М., ОГИЗ, 1945. С. 260–261.

² Дэвидсон Д. Истина и интерпретация. — М.: Практикс, 2003.

Контрпример — наиболее известное в отечественной философии языка определение термина «пропозиция», данное Н. Д. Арутюновой³. В.А.Суровцев пишет об этом; добавлю, во-первых, что когда Нина Давидовна Арутюнова определяет пропозицию как «концепт истинностного значения предложения», то она воспроизводит, по моему мнению, общепринятое (настолько, насколько оно здесь вообще возможно) в англоязычной *аналитической философии языка* представление: это супраструктура предложения, которая при подстановке переменных становится собственно предложением и обретает истинностное значение. Во-вторых, с 1988 года в Институте языкознания РАН под ее руководством действует группа «Логический анализ языка», выпустившая полтора десятка сборников оригинальных текстов отечественных авторов, где вполне осмысленно, обоснованно и успешно употребляется термин «пропозиция».

Здесь мы возвращаемся к исходному вопросу о правомерности перевода *proposition* как «пропозиция». Я совершенно согласен с В. А. Суровцевым в том, что установка на синтез подходов лингвистики, логики и философии в рамках исследования различных аспектов языка является нормой в современной англоязычной философии. Однако деятельность г-на Ледникова и его немногочисленных единомышленников попросту вышибает логику из этой связки в современной отечественной философии, и это одна из причин того, почему Россия в области философии языка продолжает оставаться ландшафтом в духе де Кюстина, несмотря на наличие многих квалифицированных специалистов. Сегодня такова наша специфика и таковы наши проблемы.

Но мы должны быть благодарны ему за то, что борьба с его нелепой агрессией выводит нас не просто на методологические, но на метаметодологические вопросы.

Мы должны снова и снова констатировать следующее, как бы тривиально это не звучало.

Аналитическая философия *не является частью логики*. Повторюсь, это чудовищно банальное утверждение, но необходимость снова и снова повторять это в нашей стране пока не отпадает.

Аналитическая философия и философия языка являются пересекающимися (не обязательно с необходимостью), но не совпадающими областями.

«Как определить, как именно должно переводить тот или иной термин? Ссылка на контекст мало что дает», — пишет В. А. Суровцев. Здесь не соглашусь с Валерием Александровичем: дело, скорее, в характере ссылки. Последняя может быть огульной, как ссылка на прецедент, и аналитической, определяющей характер контекста.

«Кто должен и, самое главное, как определяется контекст, в котором термин *proposition* должен переводиться как “суждение”, а не как “пропозиция”?»

По-моему, сложившаяся ситуация подвела нас к следующему: различие проводится между исследованиями формальных и естественных языков. В последнем случае — учитывая, в частности, многолетние публикации Института языкознания РАН — *proposition* есть пропозиция. Это относится к состоявшимся и, в основном, к предстоящим, зачастую, на мой взгляд, необхо-

³ Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы.— М.: Наука, 1976.

димым переводам Дэвидсона, Даммита, Райта, Патнэма, Крипке, Рорти, Брэндома, Лерера, Доннелана, Фодора, Элстона, Плантинги, Сосы, Хармана, Катца, Керкэма, Мозера, Поллока, Решера, Макдауэлла⁴ и буквально сотен других философов.

Но если бы дело ограничивалось только пропозицией! Сегодня, когда переводы англоязычных аналитических философов становятся не исключительным событием, как это было раньше, а более или менее рутинной процедурой, вопрос терминологии становится все актуальнее. Чего стоит, например, одно *supervenience*!⁵ Пока случаев перевода замечено не было, но ведь когда-нибудь придется переводить.

Не имеют однозначных русских соответствий в числе многих прочих такие выражения, как *type/token*, *evidence*, *entailment*, *experiences*, и даже *justification* и *coherence*. Речь идет просто о другой концептуальной схеме или картине мира, зафиксированной в другом естественном языке.

В завершение рассмотрю еще одну актуальную проблему, связанную с переводом термина *belief*. Итак, возможные варианты:

1) Вера. Это наиболее распространенный до сих пор перевод *belief*. В русском коннотационном поле этого термина присутствует не менее сильная религиозная составляющая, чем в исходном. Но часто «верой» по-русски называется то, что по-английски называется *faith*. Однако глагола с таким корнем в английском языке нет — требуются конструкции вида *to have faith in* и т.п., что является одним из значений глагола *to believe*. У русского глагола «верить» также широкая область употребления: верить можно не только в Бога, но и в Россию, в предрассудки, в то, что земля плоская, и т.д.; наконец, можно верить не только во что-то, но и кому-то или чему-то. У существительного «вера» область употребления в обыденном языке резко сужается: например, предложение «Моя вера в то, что мои соседи дома, основана

⁴ Некоторые из этих философов внесли вклад и в формальную логику, однако это не должно заслуживать глаза редактору, когда он видит, что переводимый текст относится именно к естественному языку (яркий пример — Крипке).

⁵ Этот термин ввел, видимо, Ричард Хэер (Hare R. M. *The Language of Morals*. Oxford: Oxford University Press, 1952); во всяком случае, он появился лишь в середине XX века и теперь получает все более и более широкое распространение. Связанная с этим переводческая проблема заключается в том, что существительного *supervenience* в английском языке нет — точнее, не было, пока его не придумали философы. Его до сих пор нельзя встретить в словарях — лишь в философских энциклопедиях. Оно образовано от глагола *supervene* — происходить вслед за чем-либо, вытекать из чего-либо, следовать за чем-либо. В свою очередь прилагательное *supervenient* означает «следующий за чем-л.»; «наступающий впоследствии», «возникающий как нечто новое в дополнение чему-л.». Дж. Э. Мур употреблял глагол *supervene*, когда утверждал, что некоторые свойства существуют лишь в силу наличия других свойств. У развивавших этот подход философов такое отношение получило название *supervenience*. Мур также ввел еще одно понятие следования — более широкое, чем понятие формального логического следования, назвав его *entailment*, от глагола *entail* — влечь за собой; вызывать что-либо. Такое существительное уже имелось в английском, но лишь как юридический термин. Этот термин не имеет прямого перевода на русский язык и переводится описательно, как «ограничение права распоряжения собственностью» или как «учреждение заповедного имущества». В современной аналитической философии *entailment* используется весьма широко, но в практике перевода на русский язык также до сих пор не имеет устоявшегося эквивалента.

на том, что у них горит свет» было бы стилистически некорректным. С глаголом *to believe* иная ситуация: он также может быть употреблен как в обыденном, так и в религиозном смысле, и последний сохраняется в отглагольном существительном *believer* – верующий. Но при собственно корневой субстантивации в *belief* религиозный компонент существенно ослабляется; *belief* в этом отношении – сугубо нейтральный термин, гораздо более нейтральный, чем русское слово «вера». По этой причине последнее представляется мне слабо приемлемым для аналитической философии вариантом перевода *belief*. Его невозможно использовать, скажем, в переводах таких словосочетаний, как *common belief* или *popular belief*. Здесь, вероятно, особый вес приобретает то обстоятельство, что для достижения состояния сознания (или совершения ментального акта), обозначаемого термином *belief*, не нужны, в отличие от веры, ни озарение, ни интуиция, ни воспитание, ни апелляция к традициям, ни какие бы то ни было душевные движения – не нужны вообще никакие другие ментальные акты: это может быть просто результатом восприятия.

Приведу пример из собственной переводческой практики: в «Способах создания миров» Гудмена⁶ я переводил «justification of belief» как «обоснование убеждения», но редакторы – опираясь, видимо, на традицию – переправили это на «оправдание веры», в результате чего Нельсон Гудмен зазвучал как Владимир Соловьев.

2) Верование. Это еще менее приемлемый вариант, чем «вера», поскольку имеет однозначный религиозный оттенок, но вдобавок указывает на языческие религии или квазирелигии.

3) Убеждение. Это уместный вариант. Можно пренебречь тем, что этот термин обозначает не только идею или явление, но и процесс. Основной его недостаток состоит в том, что во множественном числе – а в исходных аналитических текстах часто встречается именно *beliefs* – он также имеет избыточные коннотации, поскольку в таком виде чаще всего встречается в таких сочетаниях, как «морально-нравственные убеждения» или «социально-политические убеждения». При переводе с русского на английский «убеждения» никогда не переводят как *beliefs* – это только *views*, т.е. «взгляды». В языке, адекватном обыденному сознанию, вряд ли можно сказать, что картина мира состоит из «убеждений».

4) Мнение. Это также хороший вариант. Можно отвлечься от того, что обладание мнением предполагает некоторую предварительную рефлексию (это, в конце концов, дискуссионно), и от того, что «мнение» никогда не переводится с русского на английский как *belief* – это всегда *opinion*. Последнее обстоятельство может являться лишь косвенным аргументом при выборе адекватного перевода философской терминологии в конкретных текстах. Более серьезное возражение состоит в том, что именно в философском дискурсе русский термин «мнение» занят.

«Если тот, о ком мы сказали, что он только мнит, но не познаёт, станет годоводать и оспаривать правильность наших суждений, могли бы мы его как-то унять и спокойно убедить, не говоря открыто, что он не в своем уме?» –

⁶ Гудмен Н. Способы создания миров. М., «Логос» – «Идея-Пресс» – «Праксис», 2001.

спрашивает Сократ в диалоге «Государство»⁷. Проводится различие между знанием и тем, что знанием не является, однако может в определенных условиях претендовать на статус знания и выдаваться за таковое. В качестве псевдознания в данном случае рассматривается *dōxa* – мнение.

5) Полагание. Не знаю, кто первый придумал так переводить *belief*. Я познакомился с этим вариантом в секторе логики ИФРАН. Строго говоря, такого слова в русском литературном языке нет. Однако, возможно, в данном случае это представляет не недостаток, а преимущество, поскольку введение нового термина (причем не кальки, не транслитерации, а грамматически правомерного деривата) соответствует ситуации, когда в отечественном философском обиходе появляется новое понятие – а *belief* аналитической философии и есть новое по способу рассмотрения понятие, пришедшее к нам в последние десятилетия с переводными текстами и, судя по разному в переводах, до сих пор не усвоенное.

⁷ Платон. Собр. соч. в 4-х тт. Т.3. М., «Мысль», 1994. С.256.